Сергей Викторович БАЖАНОВ:

Я в прошлое открою дверь...

- Нет машины времени, кроме машины воспоминаний... Ну что же, в путь!

Вкус детства

Я родился в Ленинграде, но мое детство, в первую очередь, - это Ульяновск, куда родители перевезли меня в двухлетнем возрасте. Впечатления о том времени - самые светлые, детство ведь у большинства счастливее всей взрослой жизни. И дело тут не в условиях, а в безмятежности.

В Ульяновске мы поначалу жили у бабушки, отцовской мамы, в переулке Коммунаров: две комнаты в кирпичном доме без удобств. Отец мой, Виктор Михайлович, работал на Ульяновском приборостроительном заводе. И вместе с другими заводчанами где-то в 1960-1961 годах начал строить «для себя» двухэтажный дом на улице Любови Шевцовой. В этом доме, который стоит до сих пор, нам выделили отдельную 1-комнатную квартиру. В ней у нас появился первый телевизор - «Знамя-58», из этого дома меня отдали в школу…

Но сначала я был дошкольником, которого девать было некуда. И пока дом рос, отец частенько брал меня на стройку. А я брал с собой детскую лопаточку - помогал нашему дому расти. Та стройка - одно из впечатлений, которое не стерлось в памяти даже через полвека.

Еще одно яркое воспоминание - так называемый Дом свободы (бывший дом губернатора). Его не стало, когда строили Мемориальный комплекс. А тогда там располагалось Управление культуры, где бабушка работала инспектором по кадрам. Ступени из литого чугуна, витые столбы



Визитка

Родился 23 августа 1954 г. в Ленинграде. Окончил Ульяновский политехнический институт (1976 г.) и Академию народного хозяйства при Совете Министров СССР (1991 г.).

Работал в Ульяновске лаборантом, председателем спортклуба УлПИ, возглавлял студенческий профком, был инструктором Ленинского райкома КПСС, заместителем директора завода «Контактор». В 1992 г. перешел на работу в Инкомбанк, где прошел путь от начальника отдела Поволжского филиала до старшего вице-президента всего банка. Трудился в других банковских структурах, а в 2000 г. создал ОАО «Международный банк С.-Петербурга».

С ноября 2008 г. - член Совета Федерации Федерального Собрания РФ, где представляет Законодательное Собрание Ульяновской области.

Доктор экономических наук.

В Ульяновской области прожил 37 лет. В Москве – с 2008 г.

Член Ульяновского землячества с 2009 г.

- архитектура позапрошлого века! Жаль, что снесли.

Какое-то время у меня была няня - баба Надя, Надежда Ивановна Чижевская. Реэмигрантка: в революционные годы эмигрировала с семьей в Китай, а после Великой Отечественной войны вернулась. Мне было годика три-четыре. Няня занималась мною целыми днями - не только кормила, но и воспитывала. Наверное, даже любила. Но наступило одно раннее утро, мне сказали: «Все. Пойдешь в садик», и, хотя мне этого ужасно не хотелось, я отправился в «ссылку» на улицу Льва Толстого.

В детском садике на завтрак дали серый хлеб с намазанным на него повидлом. Раньше я такого «блюда» не ел. Этот сладко-серый вкус запомнился на всю жизнь. Другое детсадовское воспоминание - обидно-черного цвета. Маленький пацан не сумел справиться с естественной надобностью. Воспитательница отмывала малыша в тазу, а вокруг почему-то выстроила ребят, которые показывали пальцами - стыдили... С той поры не терплю, когда провинившегося, скованного стыдом человека еще и прилюдно унижают.

А вот в школе я чувствовал себя очень уютно. В классах числилось аж по 43 ученика! Потому что это была школа № 9, с «продленкой»: учителя «продляли» нам школьный день - занимались факультативно, вели кружки. Мама, работавшая допоздна, очень просила, чтобы меня определили именно в эту школу, хотя она располагалась далековато от нашего дома, на улице Гончарова (теперь там Музей А.А. Пластова).

Со второго класса я путешествовал с «севера» в центр города самостоятельно, на немецком трамвае с раздвижными дверями, что было очень небезопасно. Машин



«Спорт закалил мой характер, заставил поверить в себя».

в личном пользовании тогда почти не имелось, общественного транспорта не хватало, опаздывавшие пассажиры гроздьями свисали с подножек вагонов. На улице Советской, около остановки «Фабрика им. КИМ», фабричная красильня, огороженная чугунной решеткой, выпирала прямо к трамвайным путям. Вагоны сильно раскачивало, угроза оказаться снесенными пугала людей на подножках, и за несколько метров до решетки слабонервные прыгали в сугроб…

Однажды нас строем отвели в детский парк на встречу с участником подавления Муравьевского восстания в Симбирске. Навсегда запомнилось, как он конкретно

гордился прошлым: «…Тут-то я его и застрелил!». Испуганная учительница попыталась приглушить урок жестокости: «Да что вы, Иван Иванович!» - «И других тоже!» - вошел в раж ветеран, напрочь позабыв, что перед ним сопливые, но восприимчивые малыши.

С 5-го класса я перешел в школу № 2, которую окончил в 1971 году. И однажды, более чем через тридцать лет, получив приглашение, отправился на встречу с одноклассниками. Супруга моя идет со мной, видит собравшихся и непосредственно, «по-школьному», реагирует: «Неужели столько учителей собралось?!». Увы, это были мои ровесники. Куда, ребята, от жизни денешься... На той встрече мы много говорили о необратимости времени: с человеком остается только память, и немаловажно, каким ты запомнишься другим.

Скорость юности

Для разных людей время течет с разной скоростью. Если ты сидел на даче и считал ворон, то не заметишь, как тебе выдадут пенсионное удостоверение. Я тоже не заметил, как жизнь пролетела. Но она была настолько насыщена событиями, что, когда вспоминаешь, кажется уже долгой.

Несколько лет назад, учреждая десять именных стипендий для студентов моего родного энергофака, сказал ребятам: «Дорожите… нет, не стипендией, а неповторимым студенческим временем. Лет в 35, когда состоитесь, будете себя корить: «Эх, дурак, зря я столько событий пропустил! Вообще, жизнь - это событие, ведь кого-то из нас могло и не быть»… Определяя «бажановских» стипендиатов, при прочих равных условиях предпочтение отдаю ребятам из не самых обеспеченных семей. Хочу, чтобы они были свободнее, могли пойти «против ветра». Есть закон Ома. А ты возьми и проверь! Кто он такой, этот Ом? Обыкновенный человек. Вдруг он ошибся?

С институтских лет я привык планировать свое время по часам-минутам. Нашел недавно в тумбочке график-календарь - расписание моей тогдашней «политехнической» жизни: каждая клеточка, каждый день переполнен! Из моих знакомых более насыщенный график видел только у петербургского дирижера Валерия Гергиева. Но так и должно быть: он – мировая величина, поклонники ждут его в разных уголках планеты.

Я имел обыкновение бегать по ульяновскому «северу» в кроссовках и спортивном болоньевом костюме: 3 км от парка Победы до политеха и 3 км обратно, до дома на улице Гафурова. Потом по парку, на лыжах, по нескольку километров ежедневно. Некогда было переодеваться и толстеть: жизнь просто трещала от дел! И когда меня избрали председателем профкома, показалось, что я перешел на «легкий труд»: сиди и трещи языком… Потом, правда, и там нашлось немало забот. Человек вообще должен жить делом: дело рождает планы на завтра, и появляется смысл существования.

Ветер перемен

В председатели студенческого профкома я попал из председателей спортклуба. Спорт - отдельная радость моей жизни. Ощущение безграничного счастья, восторг с торжеством мне довелось испытать только раз, когда в юности выиграл лыжную гонку на 50 км и стал чемпионом Ульяновской области. Но пока ехал домой, мгновение потускнело, докладывал маме о событии уже обыденно.

Спорт научил меня целепостроению. Если у человека есть цель, это уже половина успеха. Но занижать планку или пере-

оценить себя - значит, ничего не добиться. Лет через шесть активных занятий биатлоном стало понятно, что олимпийский чемпион из меня не получится, а на меньшее я вроде бы не согласен. Тут-то меня и коснулся ветер перемен. Мне стукнуло 26. Ровесники уже становились начальниками цехов, секретарями обкома комсомола и ездили на персональных «Волгах». Почувствовав разницу, я призадумался…

В то время как раз сменился ректор - Ульяновский политехнический институт возглавил Олег Владимирович Казаров. Ему было сорок с небольшим. Молодой, активный, требовательный. Он стал моим первым учителем в искусстве управления. Именно к нему привели нового кандидата на председателя профкома. Кстати, пока я работал в спортклубе, в профсоюзном кресле побывали, если не путаю, шесть «сидельцев». Теперь мне маячила кабинетная работа «с галстуком».

Профком - это была, как теперь сказали бы, отдельная «фирма». За счет профсоюзного бюджета содержали студенческий клуб, базу отдыха в Садовке, возили капеллу в Каунас, спонсировали льготное питание, оказывали ребятам материальную помощь. Тогда я и не думал, не гадал, как же пригодится мне этот первый управленческий и финансовый опыт!

Надев галстук, я начал выходить «в свет»: выступал на ученом совете, стал членом ректората и обкома профсоюза. Все проблемы, задачи и даже отчеты воспринимал близко к сердцу. Ни с кем из предшественников не соревновался, только с самим собой. Не прятался от решений: сладким тортом не корми, дай лучше сто решений в день принять! Не пугался новых подходов. И показатели стали повышаться в разы - к примеру, по охвату студентов



«Талантам надо помогать!» (С «бажановскими» стипендиатами - студентами УлГТУ) .

льготным питанием. Мою позицию называли «активной», говорили, что я «оживил профком», словом, работа давала удовлетворение. Но одновременно приходилось подрабатывать тренером – чтобы у моих мамы и жены тоже было хорошее питание.

Красота труда

Время бежало, и после четырех лет руководства профкомом, в 1986 году, я поставил вопрос о моем «взрослении» перед ректором. Он ответил: «Давай подумаем». Предложения были разные, в том числе по тем годам комплиментарное - инструктором в Ленинский райком партии. Первым секретарем был Евгений Степанович Баландин, идеологическим отделом заведовал Виктор Петрович Антипов. Мне поручили заняться наглядной агитацией и работой по месту жительства: снегурочек на площадях лепить, флаги с плакатами развешивать, досуг во дворах организовывать.

Заставь меня чему-нибудь молиться… Реализуя проекты, в поисках материалов и изготовителей я доводил директоров заводов почти до предынфарктного состояния. Отвязаться от меня было трудновато,



«С губернатором С.И. Морозовым интересно обсуждать любые проблемы» (в зале заседаний Законодательного Собрания).

в итоге, как правило, слышал обреченное: «Ну, давай чертежи твоих надолбов». Помню, как «украсил» улицу Минаева. Требовалось повесить на три высотки три слова: «Мир. Труд. Май». Но в городе не оказалось ни одной подъемной машины выше 11-го этажа, а надо добраться до 14-го. Помог приятель - Коля Луденков из треста «Спецремстрой». Спустили с крыши люльку и стали искать смельчаков. Я нашел глухонемых, потому что забивать на той высоте крепления значило лишиться слуха…

Одна из радостей, запомнившихся мне в жизни, это когда ту примитивную «кр-р-расоту» все-таки сняли.

Взрослая жизнь

Когда Баландин понял, что Ленинский район разукрашен хоть куда, он сказал, что по мне плачет народное хозяйство и через 20 минут мне надо быть на заводе «Контактор». Директор Валентин Васильевич Малофеев встретил посланца райкома неплохо, хотя немного поерничал. Назначили меня замом по кадрам и социальным вопросам. Это не флаги по району развешивать, - на тебе замкнута властная вертикаль по множеству вопросов. «Контактор» считался крупным предприятием (5,5 тысячи работающих), но «трофейным», значит, устаревшим. Там работали мама и отчим, я слышал дома разговоры, знал многих по фамилиям… А тут этими людьми руководить!

Для меня наступила по-настоящему взрослая жизнь. Преимущество завода - в конкретном конечном результате («Контактор» делал выключатели для гражданских и военных целей). Реальная деятельность увлекает, а когда вместе с переходящим Красным знаменем тебе дают еще и премию… Руководство, чей заработок превышал уровень зарплат членов Политбюро ЦК КПСС, очень старалось. Когда не шла сборка, директор лично загонял в цеха конструкторов и технологов: «Пощупайте свои ошибки руками!». Это несколько напоминало спорт: стремясь к цели, использовали все средства.

1987-1989 годы - пик расцвета «Контактора», ставшего одним из передовых предприятий отрасли. А дальше пошли экономические и политические эксперименты. К тому времени мы с женой впервые побывали в капстране (в профсоюзном круизе по Черному морю). Оказалось, что Стамбул не сборище воров на базаре, а цивилизованный город: чуть ли не на каждом доме - спутниковая антенна, магазины наполнены товарами, улицы ночью освещены. Для человека из Ульяновска - поразительно!

Сцена политики

Брожения в обществе проявились в Москве в начале 1989 года, через год «свобода» докатилась и к нам. Одно из незабываемых впечатлений - 18 марта 1990 года, первые демократические выборы на ульяновской земле. Когда началась кампания по выдвижению, на «Контакторе» меня уже считали авторитетным замом. Поверив в очередную «оттепель», я посчитал, что тоже могу обустраивать Россию. Поначалу собрался в областной Совет народных депутатов. Но избираться туда захотел сам Малофеев (кстати, безуспешно). Мне же, как человеку субординации, пришлось выдвинуться в горсовет. 2,5 тысячи моих избирателей, в том числе немало заводских, жили в районе, где располагался гарнизонный магазин. На этом участке между собой соперничали пять или семь кандидатов. Мои доверенные лица Валентина Башарина, Алексей Сорвенков помогали мне проводить встречи, применять новые избирательные технологии. Толя Моисейчев с Юрой Мишовым дали нам брошюрку про американские выборы. Мы почитали и разослали избирателям к 23 февраля и 8 марта поздравительные открытки, разложили по почтовым ящикам мои обещания.

Набрав примерно 65 процентов, я победил уже в первом туре. В горсовете было около 200 мест, а прошли человек 100-120. В том числе - Сергей Марьин, Владимир Крюков, Вячеслав Абанин, Геннадий Матвеев. Привыкнув не останавливаться на достигнутом, я решил податься в председатели городского парламента. Начали собираться территориальные группы, и на заседании каждой мелькала приятная борода Георгия Ивановича Ступникова, который имел достаточно времени, так как не был занят постоянным трудом. На предложение в случае моего успеха возглавить комитет народного контроля он ответил уклончиво: «Достоин ли я?..».

На пост спикера претендовали четверо. В итоге я отдал свои голоса в пользу Матвеева, а избрали Ступникова, показавшегося мне человеком «себе на уме». Я сильно не расстроился. Вокруг было немало людей, странноватых для меня. Они актерствовали на трибуне, не стеснялись в словах и явно пробились в совет на отрицании КПСС. Ждать от них конструктива не приходилось. Стало понятно: вкладывать душу в депутатское дело бессмысленно.



Время выживания

Заводские обязанности с меня никто не снимал. Но как раз в то время я прочел в газете об Академии народного хозяйства при Правительстве СССР. Отослал документы, дождался вызова. С сумкой на колесиках «Пума» добрался до станции метро «Юго-Западная». Покатывая и неся свою ношу, заковылял на проспект Вернадского. А мимо пролетали «ЗИЛы», которые везли в академию «восточных» абитуриентов. После экзаменов мне сказали: «Ждите телеграмму». Ждал. Работал. Надеялся.

Вдруг приглашает Малофеев, который косился на меня как на ставленника райкома, а тут позиции КПСС пошатнулись... Короче, мне было сказано: «Будет сокращение, подыскивай работу, вот тебе отпуск». И непоследнего работника выставили за дверь. Печалиться пришлось недолго: в почтовом ящике обнаружилось известие, что я зачислен в академию.

Правительственное постановление предписывало заводу командировать меня в столицу на год. Поехал в Москву, полный надежд на новую жизнь. А там - дефицит продуктов, да тут еще директор по два-три месяца не присылает зарплату. Пришлось продать куртку… Отстоять мои права перед «Контактором» и выжить помогли Василий Иванович Клопков, прокурор Ленинского района, и жена Таня, возглавлявшая ульяновское рекламное агентство «Волна».

Поражение науки

Академия меня поразила. Возглавлял ее знаменитый академик Абел Гезевич Аганбегян. Читать лекции приходили первые лица государства. Коллеги по учебе – министры союзных республик, директора промышленных объединений, газовики и нефтяники (правда, еще не престижные, мы их звали «мазутчиками»). Вечерами перед нами выступали артисты уров-

«Слухи о моем прошлом сильно преувеличены...» (С ульяновскими журналистами).



ня Георгия Жжёнова. Я расширял кругозор и постигал науки, рейтинг у меня был один из лучших. Проректор Павел Григорьевич Бунич пригласил к себе: «Вы хорошо учитесь. Как смотрите, если переведем вас в специальную двухгодичную группу? Это набор кадров для правительства Николая Ивановича Рыжкова». Я посмотрел положительно.

В июне 1991 года, когда сдал кандидатский минимум на «пятерки», как-то необыкновенно солнечно цвели одуванчики… Вскоре выдался отпуск. Заплатив партвзносы вперед, я с чувством исполненного долга уехал в Сочи. Жили счастливо с Таней в гостинице «Москва», где утром 19 августа увидели по телевизору «Лебединое озеро»… 23 августа отправились в Ульяновск, попутчиком был второй секретарь обкома КПСС Олег Владимирович Казаров.

Дома, как и во всей стране, неопределенность, тревога. К 1 сентября следовало возвратиться в Москву и готовиться к восьмимесячной стажировке в США. Но в столице - «переосмысление», вместо великой страны - эрзац-государство. Финансирование академии скукожилось, Америка и Япония отказались брать нас на стажировку, курс политэкономии переименовали в «Экономическую политику». Директора-сокурсники уехали и, наверное, сами стали владельцами заводов. Меня в Ульяновске никто, кроме жены, не ждал. Оставалось ходить на лекции, хотя занятия шли через пень-колоду.

Даль дорог

Из-под нашей «академической» лестницы, где была его лаборатория, к руководству экономикой страны пришел Егор Гайдар. Он пообещал бывшим коллегам финансирование. Но неожиданно вышел



«Б.И. Зотов изучил Ульяновскую область как свои пять пальцев и меня хорошему учит» (в кабинете председателя ЗС).

указ Ельцина, где наше заведение отдавалось под Горбачёв-фонд, а нам предписывалось занять площади Академии общественных наук (видимо, руками «хозяйственников» хотели разделаться с идеологами коммунистов).

Мы забаррикадировали скамейками ворота. Учебные корпуса были уже опечатаны, и в этих условиях оплотом забастовщиков на три дня стало общежитие. Милиция проявила такт, не вмешивалась. Появились сочувствующие, приезжал Святослав Фёдоров (знаменитый офтальмолог, депутат Верховного Совета СССР), говорил: «Держитесь! Решение неправильное».

Академию мы отстояли. Но зачем учить кадры для правительства страны, которой нет? Впрочем, с «ведущими специалистами по управлению» поступили даже благородно: договорились о стажировке с финской стороной. Билет до Хельсинки стоил в тех деньгах 26 тысяч рублей. Если бы я продал все свое богатство - ковер, хрустальные вазы, даже квартиру, то и тогда мне вряд ли хватило бы на дорогу в один конец.



«Чтобы достичь успеха, руководитель должен быть лидером, таким, как Ю.Е. Вихалевский» (в Ульяновском Доме печати).

Но чтоб будущие министры да не нашли выход! За 54 рубля доехали до Выборга, откуда финны забрали нас «самовывозом». А на суточные (300 долларов на четыре недели) мы извернулись не только не похудеть, но и подружиться с хорошими финскими парнями.

За выездным семестром последовал прощальный вечер. И - кто куда. Мне дали направление в министерство, которого уже не было. Тогда запросили ульяновскую сторону. Глава области заявил, что готов принять меня председателем антимонопольного комитета (с перспективой на его зама). Но на месте дал мне понять: ехал бы ты куда подальше… Ехать было не на что.

Опыт нелюбви

4 марта 1992 года на сессии горсовета я подошел к Сергею Марьину, который ранее звал меня в Поволжский филиал Инкомбанка: «Не позовешь еще раз?..». Три часа мы прогуливались по улицам Ульяновска, в итоге безработному было предложено место начальника отдела. 5 марта я уже командовал отделом из трех человек. И оказалось, что очень непросто найти общий язык даже с тремя сотрудниками. Позднее каждый рассказал, за что он меня недолюбливал, а я искренне их поблагодарил: «Вы такую обструкцию устроили, что мне теперь ни один коллектив не страшен!».

Ко времени их нелюбви управленцем я уже был законченным - и с заводским опытом, и с дипломом, поэтому не канючил, а действовал. Взял учебник по банкам, ночью штудировал раздел, утром с умным видом требовал: «А дайте-ка мне данные по депозитам…». Так и освоил банковскую науку: ночью читал, днем практиковался.

В 1993 году в Петербурге убили управляющего отделением Инкомбанка. Столичное руководство поинтересовалось, нет ли желающих на «расстрельное» место?

Конечно, было страшновато (за что убилито?). Но мне уже натикало 38 лет. Руководящее кресло в Ульяновске было занято, а мамина тоска по Ленинграду передалась по наследству, и я подумал, почему бы не вернуться на родину? Так мы с женой оказались на берегах Невы. Поначалу было всякое. Письма, к примеру, получал: «Или срочно доставь 10 тысяч долларов, или получишь пулю в лоб». Выжил, не сломался.

Должность требовала внушительного «прикида» (хорошо еще, что в те годы не было заведено часто менять одежду). Я занял 800 долларов – огромные деньги! Купил пиджак с фиолетовым оттенком, цветной галстук, темно-синие брюки и пижонские ботинки. В этом выдающемся наряде и приступил к руководству.

Столичный офис прислал мне в помощь первого заместителя президента Инкомбанка Титова и начальника службы безопасности Горбунова. Дней семь-десять длилось двоевластие. В итоге коллектив устроил сидячую забастовку. Титову я сказал: «Я сам». А подчиненным заявил: «Моя цель - чтобы филиал работал правильно. Если будете следовать моим советам, то скоро у нас появятся миллионеры». Да простят меня бывшие коллеги, но филиал очнулся от мздоимства и оказался - красавец!

К исполнению обязанностей я приступил 21 июля 1993 года, а в сентябре мы выдали первую прибыль. И затем стали самым прибыльным филиалом в системе Инкомбанка. Работа захватила, в офисе я проводил по 12-14 часов. Приходилось уделять время и расследованию убийства предшественника. К сожалению, убийц не нашли.

Позже я поработал еще в нескольких банковских структурах и ровно через семь лет с начала своей финансовой карьеры создал Международный банк С.-Петербурга. Родители никак не ожидали, что из их спортсмена вырастет финансист. Ну а до того, как я стал российским сенатором, они просто не дожили...

Легенды Петербурга

Питер неотделим от Москвы, в эпоху глобализации два мегаполиса просто не могли не сблизиться. Причем исход с берегов Невы начался лет за десять до президентства Путина. Однако как сейчас Москва недолюбливает «питерских», так и в Петербурге было колоссальное неприятие столицы. Не без моего участия состоялся первый балетный конкурс «Майя». Но кто пригревает Плисецкую, тот предает «кировский» балет!..

Театр им. Кирова вернул себе название Мариинского, и там, надеюсь, теперь меня считают другом. С Валерием Гергиевым мы сначала встречались в клубе поклонников его театра: он то Лучано Паваротти привезет, то еще кого из мировых талантов. Кстати, когда превозносят «талант, талант», надо посмотреть на трудолюбие. На ухо-то мне медведь наступил, но по затратам на труд я неплохой специалист. Од-

«Блистательна, полувоздушна...» (с Майей Плисецкой).





«Отец» советского термоядерного флота поразил меня широтой интересов».

нажды мы с Гергиевым оказались вместе в Нью-Йорке. Проведя за пультом 3,5 часа (я сказал бы – «тяжелейшую лыжную гонку»), он находил силы устроить прием и ради своей труппы поработать с инвесторами. Создавалось ощущение, что этот моторный человек не спит никогда. Несмотря на грозный вид, Валерий – добрый гений, патриот нашей страны, он «музыкой жжет сердца людей», и представление о России меняется в лучшую сторону.

Петербургская жизнь свела меня со многими легендами века. Академик Игорь Дмитриевич Спасский, «отец» советского термоядерного флота, поразил меня широтой интересов. Когда человеку-гостайне сверху сказали: «Выпускайте взамен лодок кастрюли…», Спасский не стал ждать разнарядку. Он выстроил на крыше ЦКБ «Рубин» теплицу и начал выращивать… бананы. Но оказалось, что 60-я широта не самое удачное место для экзотических фруктов, вырученных денег не хватало даже на сотую часть субмарины. Тогда Спасский взялся изготовить опытный образец городского трамвая и поделился со мной удивлением: «Знаешь, это не проще подводной лодки!». Представил образец высокоскоростного поезда «Сокол», однако он не понравился нашим «западникам»... Спасский руководил ЦКБ «Рубин» до 80 лет, он до сих пор полон интеллектуальных сил.

Если Спасский - творец, непоседа, то другой почетный гражданин С.-Петербурга и один из лучших производственников России Владимир Леонидович Александров - очень обстоятельный собеседник. Завод «Адмиралтейские верфи», который он возглавлял, заложен еще Петром I. Предприятие расположено в центре города, и современные рейдеры не раз шли на него в атаку. Мне посчастливилось сотрудничать с Александровым и быть на награждении его Звездой Героя России. Сейчас этот человек-легенда руководит институтом, а директором верфей стал его сын Миша.

На моих глазах подросла и дочка бывшего мэра - Ксюша Собчак. Ее отца наш средний класс не очень почитает. Но такого трибуна, как он, теперь нет, если бы в советское время Анатолий Александрович стал секретарем ЦК по идеологии, Союз просуществовал бы дольше… Собчак брался за многие прогрессивные проекты, к примеру тоннельного проведения коммуникаций: перекрыли Литейный проспект, вскрыли мостовую и все запутанные, разбросанные кабели уложили в желоба. Порядок на века!

Однажды мэр дал поручение, касавшееся меня, своему заму Яковлеву. Вопрос решали год. А когда перепоручили другому заму - Путину, он уточнил задачу и решил проблему за неделю. Мы продолжали встречаться с Владимиром Владимировичем по деловым вопросам, и он ни разу меня не разочаровал. Когда же после проигрыша Собчака Путин подал рапорт об отставке, я зауважал его еще сильнее, ведь этот поступок был вопросом порядочности, а не закона.

Через Путина я познакомился с директором Эрмитажа Михаилом Борисовичем Пиотровским. Он, как Гергиев: утром - в Питере, к обеду - открывает филиал музея на другом конце континента! Вообще, в этой когорте почетных граждан С.-Петербурга «ленивых» нет. Я не считаю себя им равным, мне просто посчастливилось жить с ними в одно время и в одном городе.

А когда-то в этом городе жили симбиряне Гончаров, Ленин, Карамзин... Мне кажется, что последний недооценен нынешним поколением. А человек был удивительный! Образец благородства и обаяния. Пушкин называл его гением. В сентябре 2011 года в Ульяновск приедет делегация Центра национальной славы России, в попечительский совет которого я вхожу. Мы решили выполнить волю великих современников историографа - установить в вестибюле бывшей Карамзинской общественной библиотеки его бюст, который заказан лучшим петербургским мастерам. Пусть не рвется связь настоящего с прошлым.

Огни Москвы

Когда ульяновское руководство предложило мне стать сенатором, я не нашел причин отказаться. Теперь работаю в Москве. Представляю в Совете Федерации Законодательное Собрание Ульяновской области, являюсь заместителем председателя Комитета СФ по финансовым рынкам и денежному обращению. Отстаиваю интересы региона на федеральном уровне.

С Ульяновском по-прежнему не расстаюсь, сохранил здесь мамину квартиру, приезжаю каждый месяц. И не забываю о своем долге перед землей, которая воспитала меня и в которой навечно остались мои родители.

Уже десять лет провожу в Винновской роще лыжные гонки на свои призы (мой тренер Юрий Семенович Антонов собирает на них по двести человек, от 12 до 70 лет). Три года назад подключился к возрождению областной фотовыставки. Помогаю храмам и Дворцу книги, детским коллективам и детской больнице. Общаюсь с депутатами, производственниками, краеведами.

Словом, ульяновцы для меня никогда не станут чужими. И я рад, что в равнодушии Москвы есть уютный огонек - наше землячество, где тебе улыбаются родные лица. Кстати, улыбка и юмор - самые недорогие способы улучшить свою внешность и свою жизнь. Если вы дочитали до этих строк, то теперь знаете - мой путь не был гладким. Но я никогда не отчаивался и всегда верил в то, что завтра будет лучше, чем сегодня. Желаю этой веры и вам!

